

С. САХАРНОВ

МОРСКИЕ СКАЗКИ

ДЕТГИЗ 1962

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С. САХАРНОВ

МОРСКИЕ СКАЗКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР
ЛЕНИНГРАД
1982

Р 2 мл.
С 22

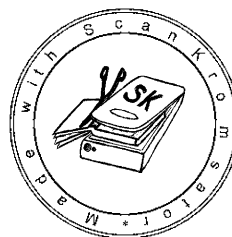
ИЗДАНИЕ 2-ое, ДОПОЛНЕННОЕ

Д О Р О Г И Е Ч И Т А Т Е Л И !

Присылайте ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

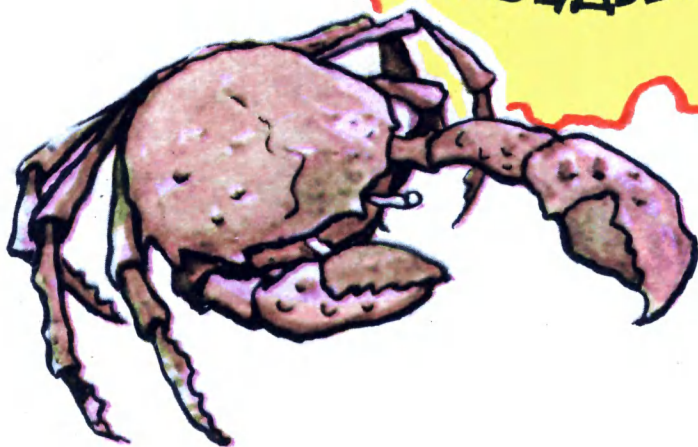
Укажите точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6, Дом детской книги Детгиза.

Scan AAW

КАК КРАБ КИТА ИЗ БЕДЫ ВЫРУЧИЛ

Охотился кит за рыбьей мелочью.

Рыбья мелюзга в океане тучами ходит. Кит набежит, пасть разинет — ап! — и полон рот. Пасть захлопнет, воду сквозь усы процедит. Всю мелюзгу — в глотку. Глотка-то у него маленькая.

Рыбёшка к берегу. Кит за ней.

Разбежался — рраз! — и вымахал на берег.

Хорошо, что кит — зверь, а не рыба: без воды не помрёт.

Лежит на песке, как чёрная скала, — ни туда, ни сюда. Тяжко вздыхает: жди теперь, когда вода придёт!

Тут по берегу волки.

Голодные. Рыщут, чем бы поживиться. Видят, — гора мяса. Едва шевелится.

Подбежали. „С какого бока начинать?“ — прикидывают.

Увидел это из-под воды краб.

— Конiec киту! Свой морской зверь — надо выручать.

Вылез на берег.

— Стойте! — кричит волкам. — И я с вами. Кита на всех хватит. Вот дождёмся — все и примемся.

Волки остановились.

— Чего ждать-то?

— Как чего? Не знаете разве: кита только при луне едят. Чем луна выше, тем китятина вкуснее!

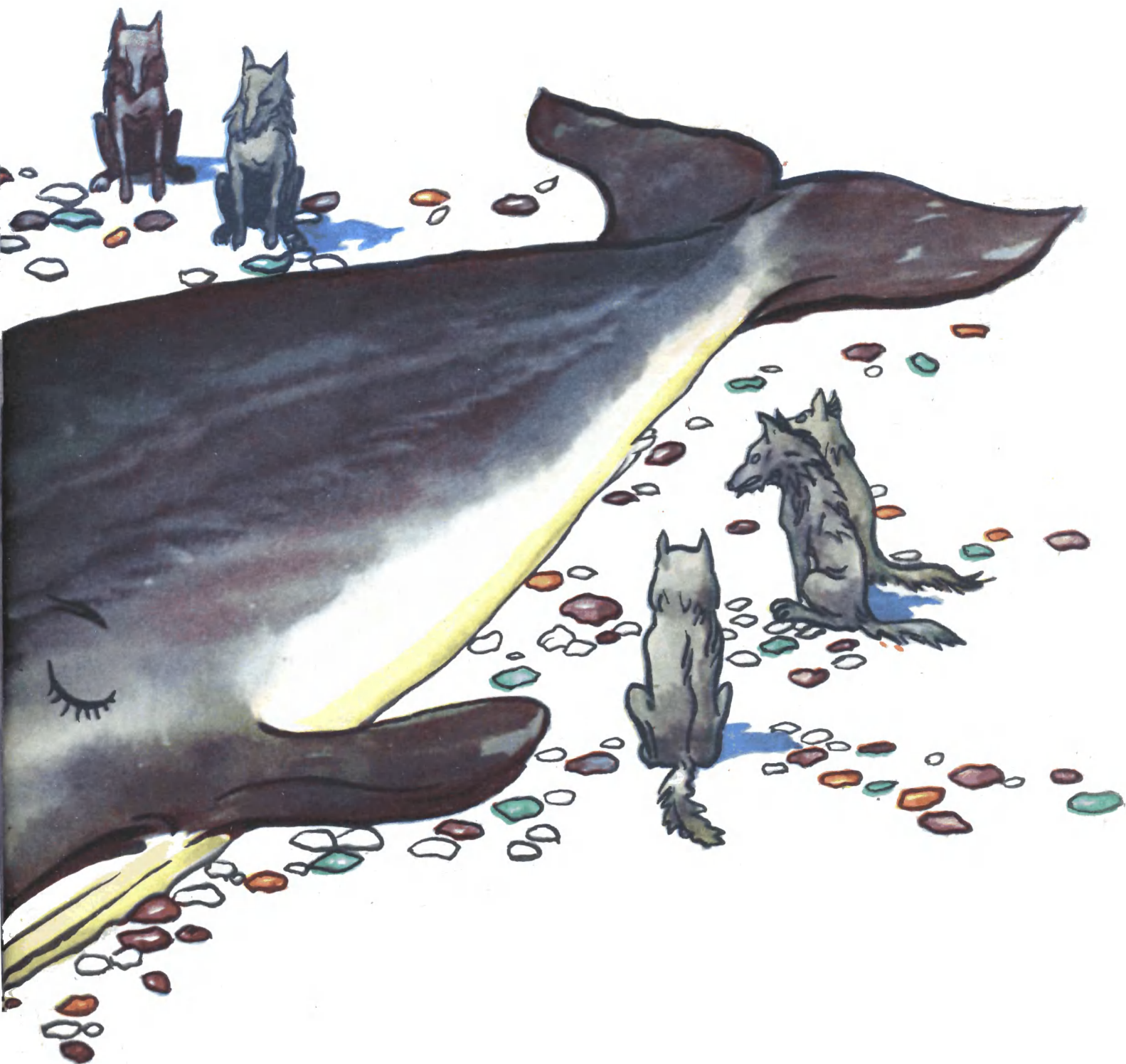
Удивились волки, но спорить не стали. Краб в океане живёт, с китом. Ему — пучеглазому — видней.

Расселись на берегу вокруг кита, морды кверху задрали.

Уж вечер, — недолго ждать луны-то!

Кит лежит, вздыхает.

Вот из-за горы луна выглянула и поползла вверх по небу.
Волки сидят, на кита смотрят. Не замечают, что в океане вода
поднимается. С голоду зубами щёлкают. На краба поглядывают: не пора
ли за кита приниматься?

Краб сидит себе, клешнями бока поглаживает.

Вдруг чуют волки, — сидеть мокро стало.
Отбежали к горе, а с кита глаз не спускают.
Стала луна у волков над головами.
Почуял и кит под собой воду. Вздохнул, набрал полную грудь воз-
духу — да как даст хвостом! Брызги во все стороны.
Волки врассыпную.

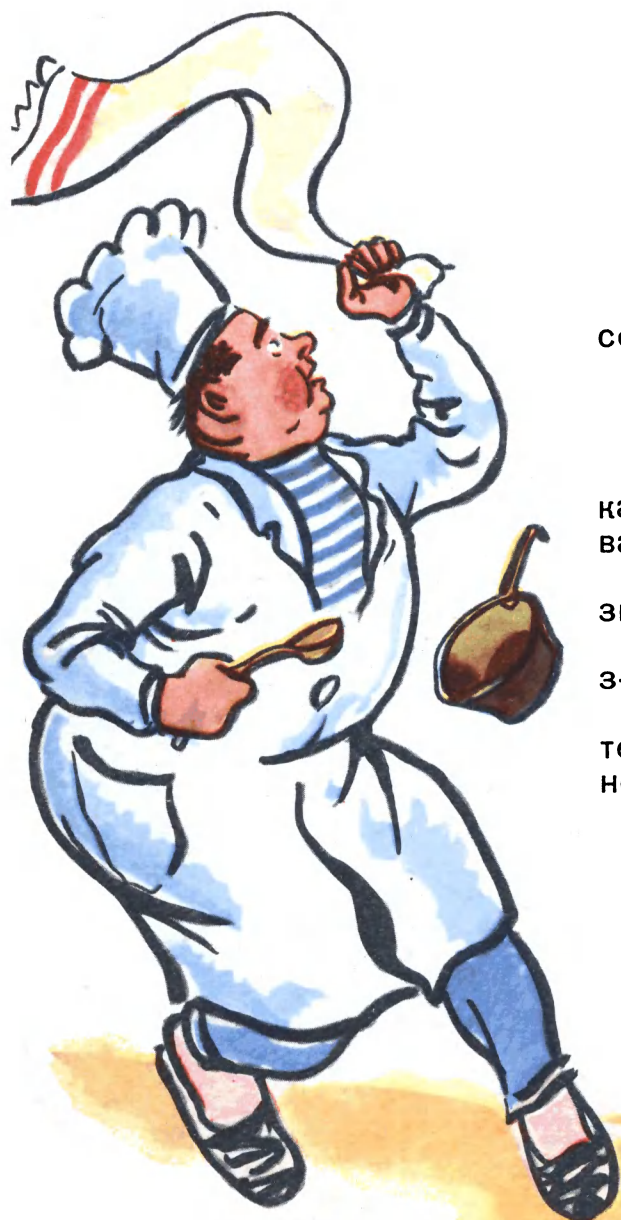
Кит воду хвостом пенит, на волков волну гонит. Волки — на гору.
Кит развернулся головой в море, забурлил хвостищем и пошёл, пошёл! Выплыл на глубину, набрал воздуха — и пропал. Только его хвост и видели.

И краб потихоньку — боком, боком — за ним.

Опомнились волки — ни кита, ни краба! Долго на берегу сидели. То вверх на луну поглядят, то вниз — на воду. Ничего не понимают, — народ сухопутный. Откуда им знать, что на море-океане отливы бывают и приливы!

И чем луна выше — тем приливы сильнее.

Жила на корабле муха.
Больше всего на свете любила она давать
советы.

Тянут матросы канат,— муха тут как тут!
— Ж-ж-живей! Раз-з-зом, раз-з-зом!

Гудит, пока не прогонят.

Залетела муха на корабельную кухню —
камбуз. Там повар — кок, весь в белом, компот
варит.

Села муха на полку, где стояла соль, и за-
звенела:

— Из-з-зюм з-з-забыл, из-з-зюм! Э-э-зря,
з-з-зря!

У повара изюм давно положен. Терпел он,
терпел, да как хлопнет полотенцем. По мухе
не попал, а соль в компот — бух!

Муха из кухни вон.

Видит, — на палубе корабельный пёс свой хвост ловит. Она к нему:
— С-з-зади, раз-з-зиня, с-з-зади! З-з-зубами, з-з-зубами!
Пёс — на муху. Промахнулся — да за борт бултых! Еле спасли.
А муха уже в щели сидит.
Как от неё, липучей, избавиться?..
Пришёл корабль в жаркую страну. Остановился. Вылезла муха
из щели.
— Ж-ж-жарко! З-з-зной!
Села на борту в тени. Сидит, в воду смотрит.

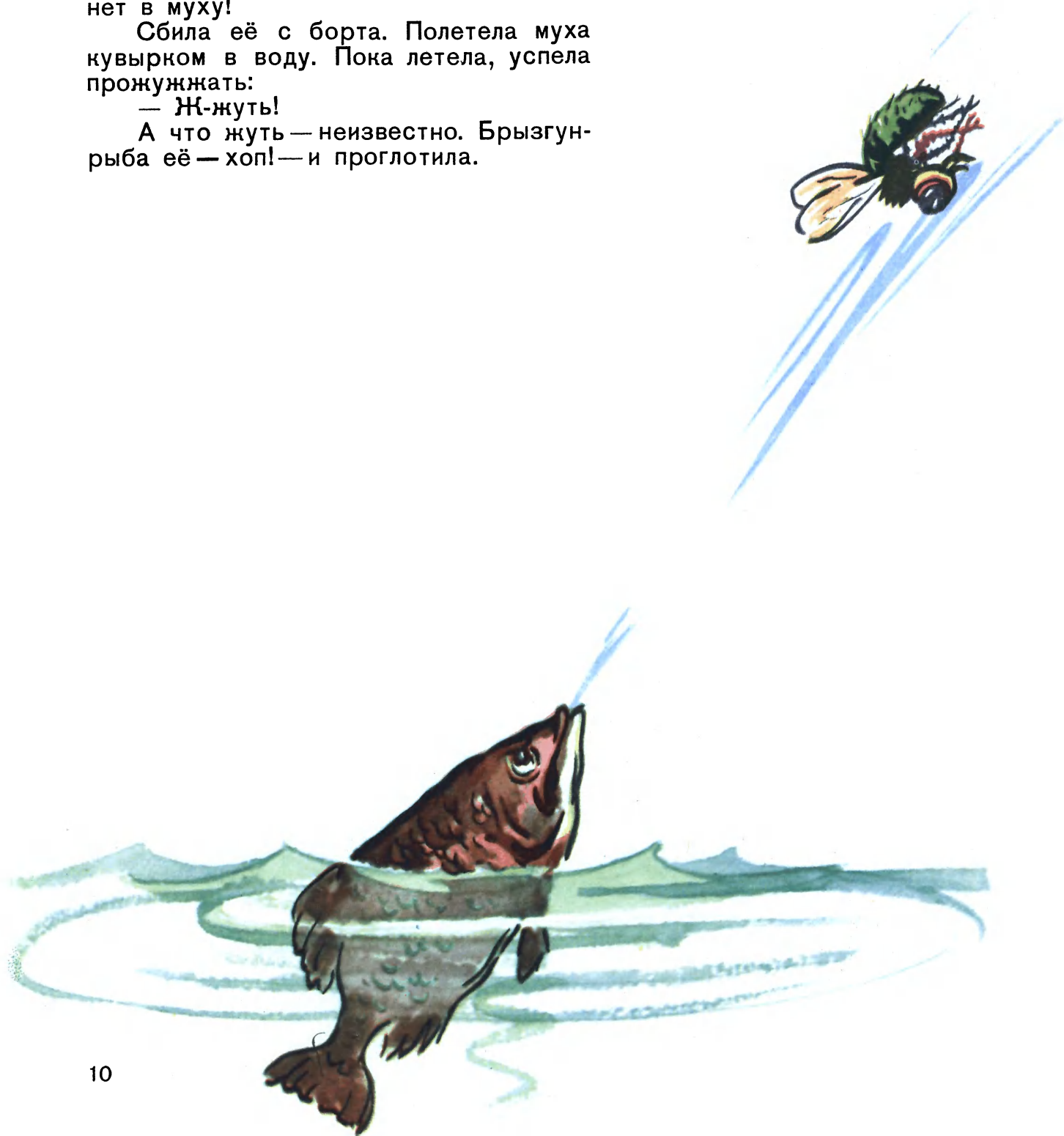
Глядь — всплывает из глубины короткая, широкая рыба. Спина серо-зелёная, на боках четыре полосы.

Хотела муха дать рыбе совет, как лучше в воде плавать. Не успела. Набрала рыба воды в рот — да как брызнет в муху!

Сбила её с борта. Полетела муха кувырком в воду. Пока летела, успела прожужжать:

— Ж-жуть!

А что жуть — неизвестно. Брызгун-рыба её — хоп! — и проглотила.

Плавал чилим между камней, мшанку-зелень щипал.

Чилим — рачишка маленький, креветка усатая, — как рыба плавает, как блоха скачет. Щёлк хвостом — и пропал.

Плавает, а в голове у самого: „Как бы отлив не прозевать!“

Посмотрел кругом — всё спокойно.

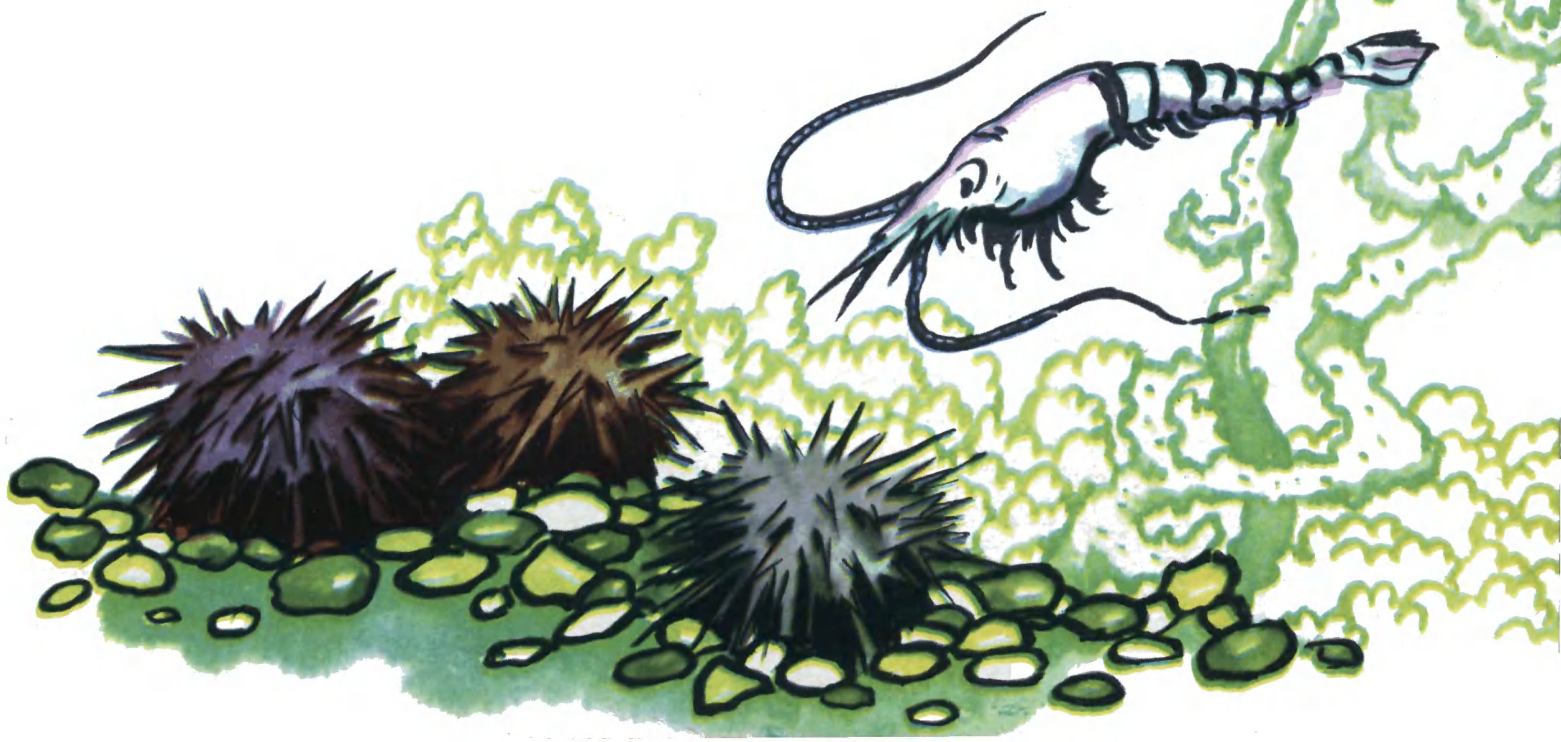
Бычок глазастый поверх ила лежит, добычу высматривает. Рачок-балянус в домике спит, усы выставил. Хороший у него домик: известковая бутылочка с крышечкой. Другой рак — отшельник — по дну бредёт, дом на себе тащит. Дом-то у него краденый — улиткина раковина!

Никто уходить не торопится — верно, отлив не скоро...

Вдруг видит чилим — на дне три коричневых шара лежат. Что-то знакомое, а что — никак не вспомнит. Он к ним.

Только подплыл, — сразу у шаров иголки торчком встали. Чилим назад — прыг!

А шары зашевелились и поползли по дну.

Забавно ползут! Выпускают между иголок жёлтенькие ножки-присосочки. Вытянется ножка, присосётся к камешку и потянет шар вперёд. За ней другая.

Ба! Да это же морские ежи! Как он их раньше не узнал? Развеселился чилим. Хвостом щёлкает, вокруг ежей прыгает.

„Только бы до отлива в море уйти!“

Подумал — и снова забыл.

А ежи по камням ползут, позади себя три дорожки оставляют. Зелень с камней съели, как ножом сняли.

Влезли на большую глыбу, на самой макушке возятся.

Присмотрелся чилим.

— Ай, ай, ай! — даже подскочил от ужаса. — Ежи камень грызут!

Один приподнялся, стало видно: снизу у ежа рот, во рту пять белых зубиков. Молчат колючие, скоблят зубами камень. Выскоблил себе каждый ямку, лёг, иглы растопырил и давай кружиться, камень сверлить.

„Сумасшедшие! — решил чилим. — Делать им нечего“.

Уходят ползуны потихоньку в камень, будто тонут. Камень мягкий — ракушечник. Стенки между дырами развалили, — получилась общая яма на троих.

„Столько колючек, а в камень прячутся. Глупые!“ — подумал чилим.

Хватился — нет вокруг воды. Проглядел отлив! Затрепыхался, забился. С камня на камень скачет, задыхается.

„Вот и пропал!“

Из последних сил подпрыгнул, перевернулся да в яму с водой — шлёп! Отдышался, видит — рядом иглы торчат. Так это он к ежам угодил! Ну, до чего хитрые: яму-то не зря рыли! Им теперь отлив не страшен.

„А как другие морские жители? — вспомнил чилим. Высунул из ямы голову. — Поди все погибли?“

Как бы не так!

Бычок в мокрый ил закопался. Один хвост торчит. Балянус в свой домик-бутылочку спрятался, крышечку захлопнул. Рак-отшельник в раковину залез, вход клешней, как пробкой, заткнул.

У каждого свой запас воды:

у бычка — в иле,

у балянуса — в бутылочке,

у отшельника — в раковине.

Все устроились, все прилива ждут.

МОРСКОЙ ПЕТУХ-ТРИГЛА

Прошёл по морю слух, что появилась в нём новая рыба.

Собрались морские жители. Потолковали и решили послать к ней ласкиря.

Пускай, мол, всё узнает, расскажет. Если рыба стоящая, — все пойдём смотреть, а нет, — так и времени терять нечего.

Ласкирь на подъём скор. Один плавник здесь, другой — там. Живо к новенькой слетал, вернулся и рассказывает:

— Нашёл. У песчаной косы стоит. Своими глазами видел. Ух и рыба! Спина бурая, брюхо жёлтое. Плавники как крылья, синие с золотом. А глаза... знаете, какие?

— Чёрные?

— Ну, да! Ни за что не угадаете. Голубые!

Ласкирь от удовольствия на месте крутится. Вот это новость принёс!

— Голубые? Это ты, брат, того!.. — усомнился морской конёк.

— Отсохни у меня хвост, если вру! — клянётся ласкирь. — Стойте здесь — ещё сбегаю.

Убежал. Возвращается, язык на боку.

— Чудеса! — говорит. — Хотите верьте, хотите нет. Только я приплыл, опустилась рыба на дно. Выпустила из-под головы шесть кривых шипов, упёрлась ими в дно и пошла как на ходулях. Идёт, шипами песок щупает. Найдёт червя — и в рот...

Рассердились морские жители на ласкиря. Где это видано, чтобы рыба пешком по дну ходила?

— В последний раз, — говорят ему, — посылаем. Беги и всё заново доложи. Чуть соврёшь — пеняй на себя!

Умчался ласкирь.

Ждут его, ждут. Нет вертлявого.

Собрались было сами идти, глядят — плывёт. Растрёпанный, весь в песке! Рот раскрыл — до того ему говорить не терпится.

— Слушайте, слушайте! — кричит.

Отдышался и начал.

— Приплыл я, — рассказывает, — к рыбе. Пошла она по дну, — я сзади. Вдруг навстречу сеть. Громадная, как стена. Захватили нас рыбаки сетью и вытащили на берег. Ну, думаю, конец пришёл. А рыбаки на меня и не смотрят. Увидали новую рыбу — и к ней. Только хотели её схватить, а она шаром раздулась, плавники встопорщила да жаберными крышками как заскрипит: „Зз-грры! Зз-грры!“ Испугались рыбаки — и бежать. Рыба хвостом стук по песку — и в воду. Я за ней... Вот было, так было!

Поразились рыбы.
— А что, — спрашивают, — у неё за хвост?
— Обыкновенный, — отвечает ласкирь, — лопаточкой.
Видит — не убедил.
— Ах, да, — говорит, — чёрное пятнышко посередине!
Ну, раз даже пятнышко заметил, — значит, видел!
Отправились все к незнакомой рыбе.
Нашли. Назвалась она морским петухом — триглой.
Смотрят, — верно: спина у неё бурая, брюхо жёлтое, плавники синие с золотом, глаза голубые.
Правду говорил ласкирь.
А шипы? Есть шипы. Прошлась тригла на них.
И это правда.
А голос?
И голос есть. Заскрипела, заверещала так, что все отскочили.
И тут ласкирь прав.

Вон и хвост такой, как он говорил, — обыкновенный, лопаточкой...
Э-э, а чёрного пятнышка-то нет!

Обрадовались рыбы, крабы.
Схватили ласкиря и учинили ему трёпку. Не ври! Не ври!

И зачем он сгоряча это пятнышко выдумал?..

Много ли нужно добавить к правде, чтобы получилась ложь?
Не много — одно пятнышко.

ЛЮБОПЫТНЫЕ НАВАГИ

Говорят, на суше любопытному нос прищемили. А в море с любопытными вот что было.

Жили в море четыре наваги. Бока белые, спинки зелёные. Рыбы как рыбы, только любопытные-прелюбопытные.

Подерутся гденибудь крабы, поссорятся рыбы — наваги тут как тут. Одна за другой приплывут и смотрят: кто кому ногу обломит? Кто кого переругает?

Так вот. Плывёт как-то одна из наваг, видит — ползёт по дну морская звезда. Лиловая с жёлтыми пятнышками, спина горбом, пять лучей во все стороны раскинуты.

Цепляется за дно ножками-присосочками и ползёт. Через камни, по песку — никуда не сворачивает.

„Куда бы это она?“ — подумала навага.

Не успела подумать, — три её подружки, одна за другой, плывут. Собрались вчетвером, стали за звездой подсматривать.

А та заползла за большущий камень, нашла там полкамбалы и остановилась.

— Знаю! — шепчет первая навага. — Эта камбала здесь второй день лежит. Восемь крабов вчера её ели, половину оставили.

— Ишь ты! — отозвалась вторая. — Восемь ели, не доели, а она одна хочет.

— Какая жадная! — подхватила третья.

— И что она только думает? — спросила четвёртая. — Рот-то у неё вон какой маленький.

— Подавится или лопнет! — решили наваги.
Пока они толковали, звезда боком к рыбине примостилась.

Рот у звезды снизу, как раз посередине живота. Как же она есть будет?

Примостилась, раскрыла рот и стала из него какой-то оранжевый пузырь выпучивать.

Язык?

Не может быть: нет у звезды языка.

Что же это?

А пузырь всё больше и больше, словно вся звезда наизнанку выворачивается.

Накрыла она камбалу пузырьм, обернула со всех сторон и замерла.

Лежит. Молча, страшно.

И вдруг поняли наваги, что оранжевый пузырь — это желудок звезды; что это она так, на свой манер, проглотила камбалу и ест.

Засуетились.

— До чего она страшная! — говорит первая навага.

— В рот не брала, а проглотила! — удивляется вторая.

— Да с каким фокусом: шиворот-навыворот! — поражается третья.

— Бр-р! — вздрагивает четвёртая.

Плыла мимо горбуша — толстая спина, острый зуб. Слышит — шумят рыбы.

Она туда.

Налетела, пасть раскрыла да всех четверых и проглотила. Просто, без фокусов.

И ушла...

С тех пор рыбы в море без дела кучей не собираются, не галдят, на диговинки не глазект.

Любопытным в море головы не сносить.

КАК ЛАСКИРЬ УЧИЛСЯ ХВОСТОМ ВПЕРЕД ПЛАВАТЬ

У ласкиря, морского карася, врагов в море — не сосчитать. Вечно он взад-вперёд носится, от чьих-нибудь зубов спасается.

И вот вздумалось ласкирю научиться хвостом вперёд плавать.

„Научусь, — думает, — и тогда дудки, никому меня не поймать! Поворачивать не нужно, — от любого удеру. Только где такую рыбу найти, которая бы научила?“

Прослышал ласкирь, что неподалёку живёт морской конёк и что он не как все рыбы плавает.

Кинулся его искать. Видит — торчит из травы маленькая лошадиная голова. Грива лохматая, нос трубочкой.

— Эй, — кричит ласкирь, — выходи, лошадиная голова! Поторговать надо.

Качнулась трава, выплыла из неё рыбка. Плывёт стоймя, грудь вперёд, хвост колечком закручен.

— Зачем, — говорит, — звал?

Рассказал ласкирь.

— Нет, — говорит рыбка. — Я только головой вверх плавать умею. Поди-ка ты к камбале: она, говорят, тоже как-то по-своему плавает. Уж не хвостом ли вперёд?

Начал ласкирь камбалу искать.

Забрёл на песчаную мель. Плывёт, на оранжевый песок смотрит. Перед самым его носом крабчонок-плавунец вертится.

Вдруг из песка какая-то рыбина как выскочит! Схватила плавунца и обратно на дно пошла.

Плывёт на боку, всем телом, как тряпка, колыхается.

Ласкирь за ней.

— Уж не ты ли камбала будешь? — спрашивает.

— Я! — отвечает. Легла на дно и давай закапываться, плавниками песок на себя набрасывать.

Закопалась, одни глаза торчат.

— Ловко ты плаваешь! — говорит ласкирь. — А хвостом вперёд умеешь?

— Нет, — отвечает, — не умею. Но слышала я: далеко на юге, в тёплых реках, рыба-лист и синодонт-рыба живут. Те, говорят, по-всякому умеют.

Делать нечего. Отправился ласкирь за тридевять морей искать реки с диковинными рыбами.

Долго искал.

Бредёт раз по тёплой реке, видит — плывёт навстречу лист. Бурый, с тёмными жилками, лопаточкой кверху, черенком вниз.

А ласкирь-то голодный.

„Дай, — думает, — отщипну кусочек“.

Только к листу сунулся, а тот в сторону как метнётся!

Ба! Да это же рыба! Висит в воде головой вниз, на подбородке лоскут, как черенок.

— Ну, — говорит ласкирь, — и дела! Вот ты где, рыба-лист! Ну-ка покажи, как хвостом вперёд плавать!

— Эко выдумал! — отвечает рыба. — Я только так — головой вниз — умею. Не мешай! Видишь, вон к той малявке подкрадываюсь!

И поплыла дальше.

Пришлось ласкирю синодонта искать. Выбился из сил, отощал, еле хвостом ворочает.

„В последнюю реку, — думает, — загляну — и домой!“

Зашёл в реку, глядит — плывёт странная рыба. У всех рыб спина тёмная, брюшко светлое, а у этой — наоборот.

Ласкирь к ней.

— Не видала ли, — спрашивает, — синодонта?

— Как не видеть? — отвечает. — Я сама синодонт и есть!

Ласкирь от радости даже подпрыгнул.

— Научи поскорей, — молит, — хвостом вперёд плавать!

Усмехнулся синодонт, перевернулся брюхом кверху и говорит:

— Вот так плавать — спиной вниз — могу научить. Только у тебя для этого цвет неподходящий. Сам знаешь: плавать тёмным кверху нужно, чтобы птицам не так заметно нас было... А насчёт того, чтобы хвостом вперёд... сколько лет живу на свете, не слыхал, чтобы так плавали. Нет таких рыб!

Опечалился ласкирь, повернулся и пустился в обратный путь.

Вышел из реки в море.

Плывёт между коралловых веток... а ему навстречу медленно-медленно, хвостом вперёд рыба выплывает!

У ласкиря аж дух перехватило.

А рыба плывёт себе как ни в чём не бывало. Сама широкая, в жёлтых и бурых узорах, зубы как щетинки. Через всю голову тёмная полоса идёт, глаз на ней и не видно. Зато с каждой стороны хвоста по чёрному пятну, ни дать ни взять — глаза.

Плывёт рыба этими пятнами-глазищами вперёд, — ни за что не скажешь, что это она задом пятится.

Стал ласкирь с рыбой знакомиться, а это оказался щетинозуб, морскому окуню родня.

— Так и быть, — говорит, — выучу тебя хвостом вперёд плавать. Смотри!

Поставил щетинозуб хвост прямо, толкнулся плавниками от себя и подался назад. Потом ещё и ещё.

Только ласкирь хотел попробовать, откуда-то сбоку акулёнок выскочил. Целил щетинозуба схватить, да не разобрал, где у того голова, — и промазал.

Ласкирь наутёк.

Мчитя, от куста к кусту бросается.

Оглянулся — за ним щетинозуб головой вперёд летит, хвостом воду сверлит.

Заскочили оба за камень, отдышались; ласкирь и спрашивает:

— Чего же ты не хвостом вперёд плыл?

А щетинозуб отвечает:

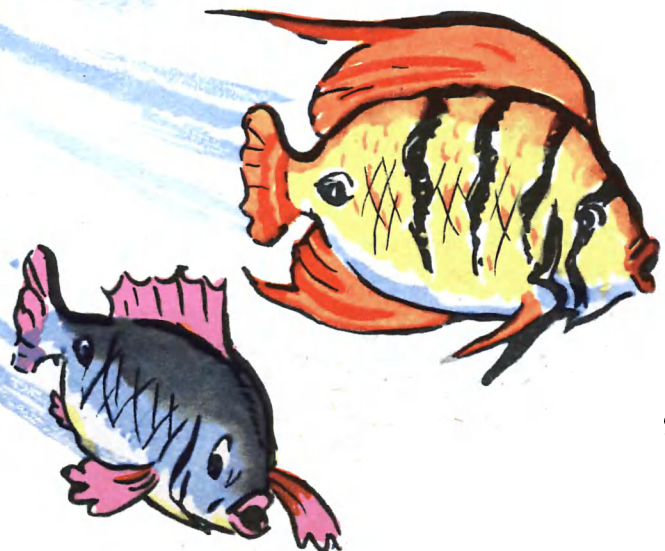
— Ишь ты, какой! Попробуй удери хвостом вперёд! Я ещё жить хочу... Ну, так как, учить тебя дальше?

— Не нужно, — говорит ласкирь. — Головой вперёд я и сам удирать умею. Счастливо оставаться!

И поплыл к себе домой...

Так и не научился ласкирь плавать хвостом вперёд. Но до сих пор цел.

Хоть и головой вперёд, а от всех удирает!

РАК-МОШЕННИК

Давным-давно это было. Собрались на совет раки: решать, кому где жить.

Кто побольше — в море пошёл. Кто поменьше — в реки.

Остался самый маленький рачишка. Зелёного цвета, одна клешня больше, другая меньше. Хвост и брюшко мягкие, слабые.

Ростом маленький, а хитрый-хитрый.

— Куда большие пошли, уж там, верно, лучше, — рассудил он. И пошёл жить в море.

Прошло немного времени. Видит рачишка: несдобровать ему!

В море хищников разных, рыб зубастых видимо-невидимо. Того и гляди бычок-страшило съест или краб клешней перешибёт.

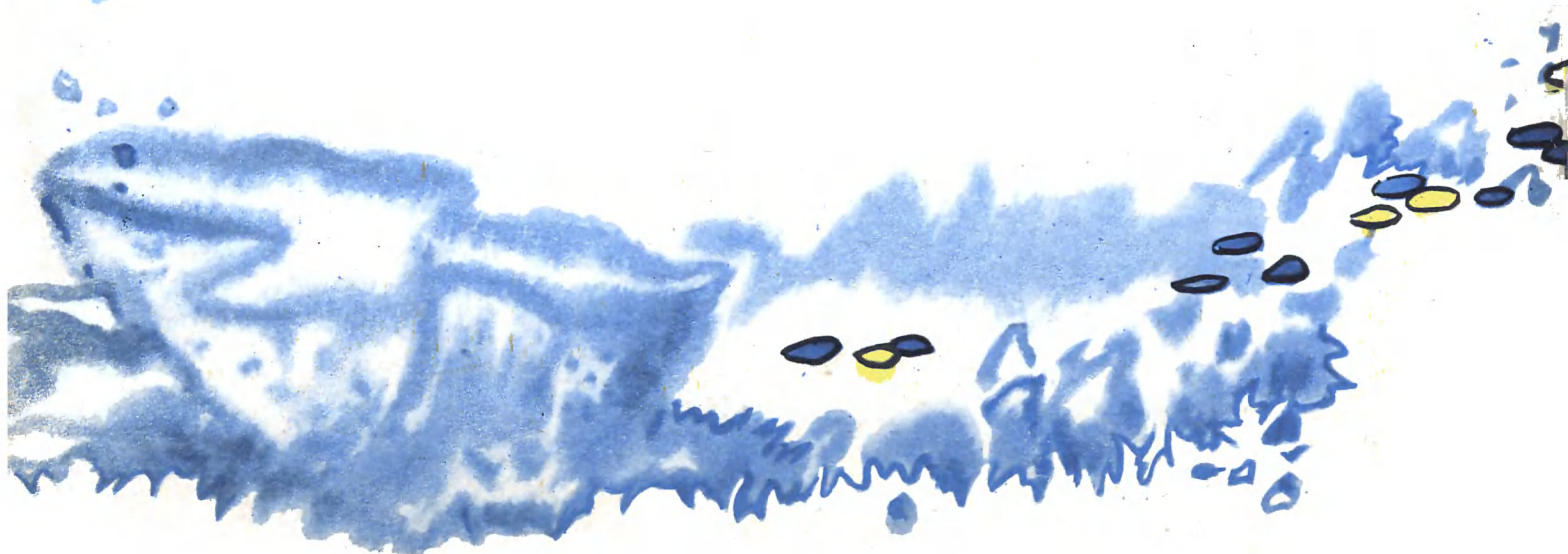
Где уж тут до хорошей жизни!

Залез рак под камень. Высунется оттуда, схватит травинку или червяка — и обратно.

Видит однажды: ползёт мимо улитка-береговушка.

Хорошо береговушке: носит она раковину на спине. Чуть что — спряталась в неё. Свой дом!

„Вот бы мне такой!“ — думает рак.

Голова у рачишки маленькая. Что-нибудь хорошее придумать умишка недостаёт, а обмануть — хватит.

— Здравствуй, соседка! — говорит. — Вылезай из домика, потолкуем.

— Некогда, — отвечает улитка. — Не видишь разве? Тороплюсь. Сёстры ждут. Да и не оторваться мне, пожалуй, от домика: с ним расту!

И поползла дальше. К вечеру за ближним камнем скрылась.

— Ах ты, слизняк безмозглый! — рассердился рачишка. — Ну, погоди, выманю я тебя из раковины!

Прошёл год. Опять встретился у своего камня рачишка с улиткой.

— Где это ты пропадала? Отдохни. Поди, устала дом на себе таскать? У меня для тебя что-то есть. Вылезай — покажу.

Обманывает рачишка: ничего у него нет. Два уса зелёных — и те не отдаст.

— А мне ничего не нужно, — отвечает береговушка. — Вот разве клешню бы, как у тебя. Худо без рук!

— Есть, есть у меня под камнем клешня! — обрадовался рачишка. — Полезай за мной!

Не поверила улитка: виданное ли это дело, чтобы клешня одна без рака под камнем лежала!

Тут, откуда ни возьмись, налетел на них морской ёрш-скорпена. Хотел рачишку целиком глотнуть. Промаяхнулся, хватить зубами за клешню — и обломил её.

Рачишка под камень — шасты! Еле ноги унёс. Береговушка в свой домик спряталась.

Уплыл ёрш. И улитка уползла.

Прошёл ещё год. Новая клешня у рачишки отросла.

В третий раз встретился рачишка с береговушкой. Видит улитка — новая клешня.

— Откуда она у тебя? — спрашивает.

„Ну, — думает рачишка, — теперь то я тебя из домика выманю!“

— Как откуда? Говорил я тебе, — под камнем была. У меня там ещё одна припасена.

— Дай мне! — просит береговушка.

— Самому нужна... Ну, да так и быть, — уступлю. Ползи за мной.

Полез рачишка под камень.

Сунулась береговушка за ним — не пускает раковина. Еле-еле отодрала её от спины, вылезла, с непривычки поёжилась, поёжилась — и под камень.

А рачишка под камнем пролез, с другой стороны вылез. Обежал кругом — и к раковине. Хвост и

брюшко в неё засунул, клешни и усы — наружу.

Поискала, поискала улитка под камнем, — нет ничего!

Выбралась, смотрит, а рачишка спиной приподнял её раковину и бежит по дну прочь.

Осталась улитка без дома.

В тот же день ёрш её съел.

Рачишка с тех пор на себе раковину таскает. Прячется в неё, один-одинёшенек живёт. За это его раком-отшельником называют.

А ребята, когда случится его из воды вытащить, кричат:

— Рак-мошенник! Рак-мошенник!

И верно мошенник: в чужой дом залез.

КРАБИШКИН ДОМ

Жил в море... краб не краб, так себе — крабишка маленький. Сам с пяточок, ноги как спички, клешни как щипчики.

Пока совсем маленький был, жил где придётся, подрос — стал себе дом искать.

Вылез на мелководье, семенит вдоль берега, по сторонам смотрит.

Видит — камень. В камне щель.

Залез в неё. Ёрзает, ёрзает, никак не устроится.

Плывёт мимо бычок-старичок, голова с кулачок.

— Славный у тебя дом, — говорит, — будто для тебя построен.

— Много ты понимаешь! — обиделся крабишка. — Плохой дом: жёсткий он, да тёмный, да тесный.

— А тебе какой нужен? — удивился бычок.

— Нужен мне такой, чтобы в нём мягко было, светло и просторно! Где тебе, губастому, понять! Плыви, покуда никто не съел!

Пока бычок губой шевелил, слова подбирал, крабишка из щели вылез — и ушёл.

Скользко по камням идти. Вода через камни перекачивается, того и гляди смочет.

— Поищу-ка я, где глубже!

Подался в море. Идёт по песку, а песок рассыпчатый, тонкий.

Нашёл ямку. Мягко, светло, привольно.

— Тут мне и жить!

Только в ямке устроился, видит — плывёт на него огромная рыбина. Рыло длинное, снизу белые усики, спина в костяных шишках. Осётр!

Крабишка с перепугу — в песок. Зарылся. Ни жив ни мёртв.

А чудище-рыба всё ближе. Над самым дном плывёт, усиками по дну шарит.

Доплыла до ямки, пошарила — и давай копать рылом песок.

Крабишка оттуда вверх тормашками! Вылетел — да наутёк. Бежит по дну, ноги выше головы подбрасывает.

Еле удрал.

Добежал до кучи камней. Влез между двумя, дух перевести не может.

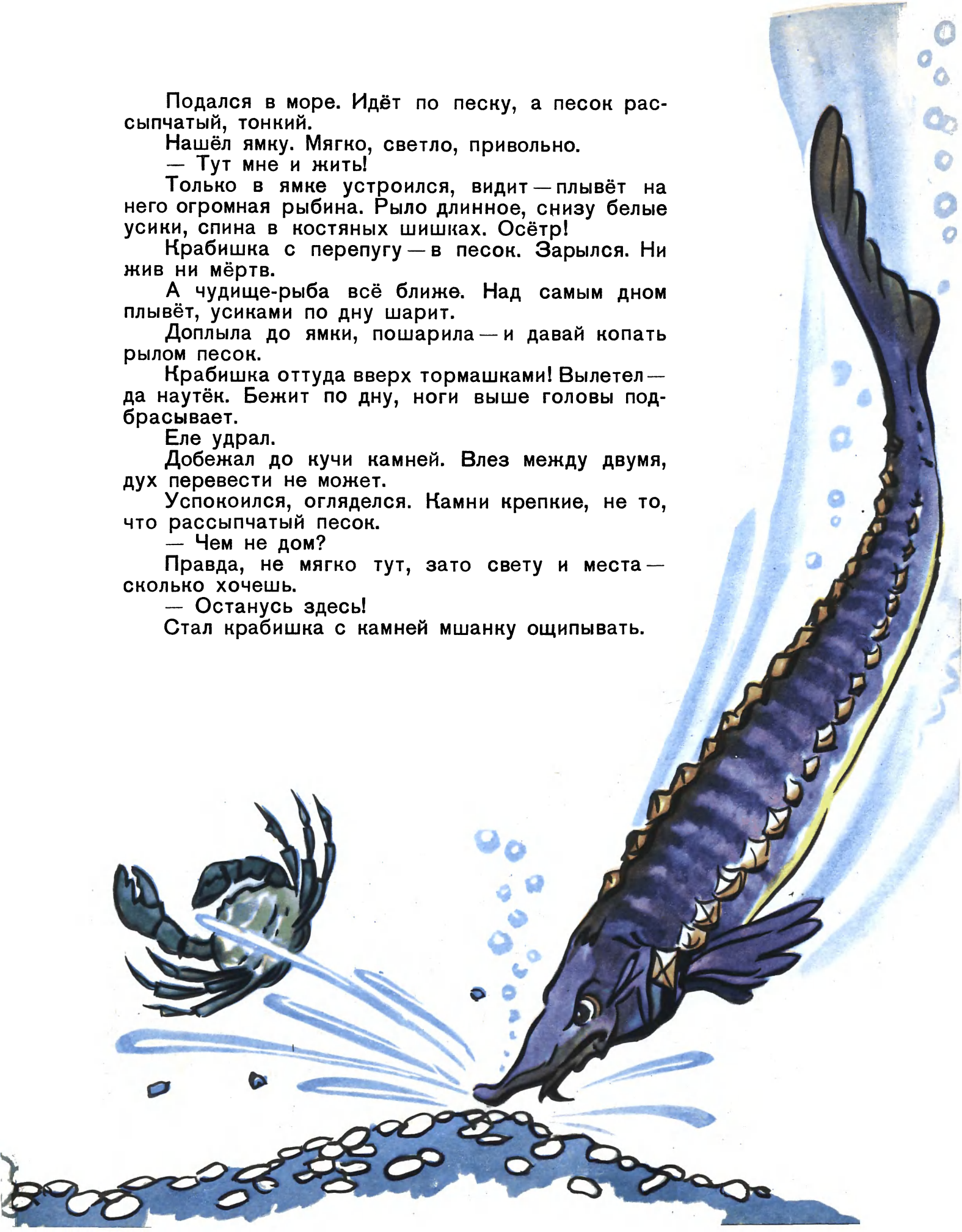
Успокоился, огляделся. Камни крепкие, не то, что рассыпчатый песок.

— Чем не дом?

Правда, не мягко тут, зато свету и места — сколько хочешь.

— Останусь здесь!

Стал крабишка с камней мшанку ощипывать.

Вдруг сверху на него кто-то как бросится.
На лету зубами — клац! — мимо. Развернулся —
и снова на крабишку.

Тот удирать.

А это катран-акулка: спина и голова узкие,
рот дырой, хвост полумесяцем.

Крабишка вокруг камня. Катран за ним.

Пока катран хвост заносил, крабишка ка-
мень кругом обскакал, углядел пещерку — и
в неё.

Спрятался, сидит.

Катран над камнем прошёл — видит, никого
нет, и уплыл.

„Ну, — думает крабишка, — отсюда я никуда!
Не мягко тут, не светло, зато просторно“.

Сел и ноги вытянул.

Только вытянул, мимо скат — морская ли-
сица — плывёт. Учужла краба — и к камню.

Плывёт, как большущий лист колыхается. Тело блином, хвост кнутиком, зубов полон рот.

А хитрющая! Даром не носится. Подплыла, на камень легла, давай голову в пещерку протискивать.

Полголовы протиснула, за клешню зубами хватить и потащила крабишку вон.

Пещерка-то просторная, -- не упереться, не зацепиться!

Чует крабишка -- конец пришёл. Из последних сил рванулся -- и обломил клешню.

Вырвался из лисьих зубов, прижался к камню, будто влип.

Поцарапала лиса зубами камень, поцарапала... Не достать краба! Съела клешню и ушла прочь.

Ушла она, -- крабишка боком, боком -- да к берегу. Ладно сам живой, а клешня вырастет!

Вот, наконец, и камни. Между ними ручейками вода. Уж сюда большой рыбе не дойти!

И бычок тут, сосед.

— Здравствуй, дедушка!

Нашёл крабишка знакомую щель -- и в неё.

Вот где хорошо: и жёстко, и темно, и тесно!

Как будто для него -- для крабишки -- дом построен.

Поспорили в Чёрном море кефаль, мерланг-пикша и белуга: кто из них сильнее?

Спорили, спорили и решили: кто дольше всех между камней в прибой продержится, против волны устоит, тот и есть самый сильный.

Выбрали у берега камни, выждали погоду посвежее и стали силу испытывать.

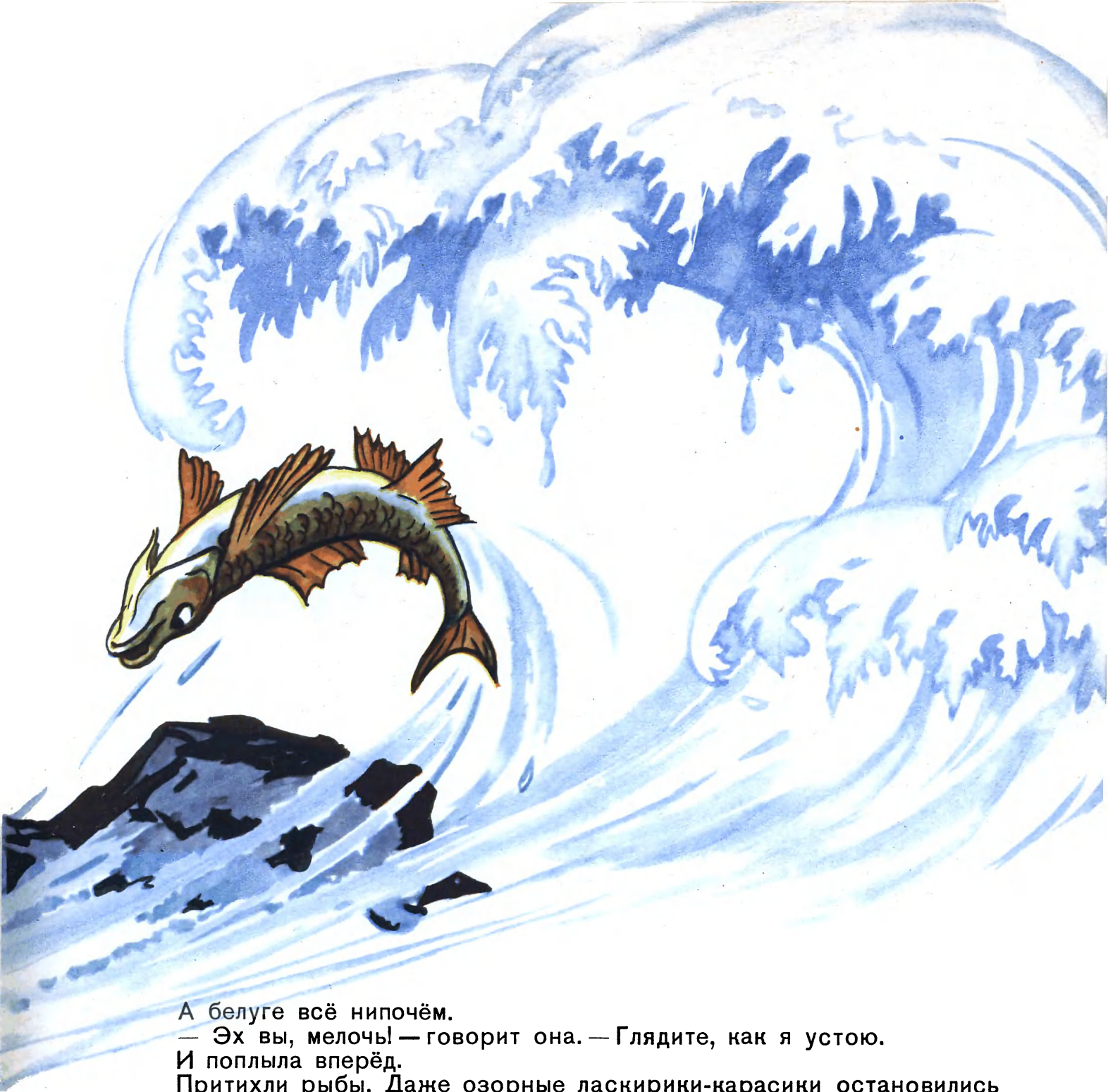
Первой поплыла к камням кефаль. Плыла, хвостом серебристым играла. А как подошла к берегу, стало её взад-вперёд волной бросать, сразу поняла — дело плохо!

Крутит кефаль хвостом, в дугу сгибается, да против волны устоять не может. Рвётся вперёд, а вода её назад тащит. Оробела, до камней не доплыла — назад вернулась.

Поплыла к камням головастая пикша. Разогналась, до самых бурунов дошла. Спряталась между камнями в стоячей воде, но пришла волна и давай её от камня к камню швырять. Два раза об камень ударила, перевернула и назад с собой утащила.

Посмотрели рыбы на пикшу, испугались: жабры у неё песком забиты, перья на спине поломаны.

А белуге всё нипочём.

— Эх вы, мелочи! — говорит она. — Глядите, как я устою.

И поплыла вперёд.

Притихли рыбы. Даже озорные ласкирики-карасики остановились и смотрят, как белуга волну побеждать будет.

А белужья спина в костяных шишках уже у самых камней. Гребёт белуга плавниками, хвостом подгребает, на месте держится.

Две волны, одна за другой, набежали — устояла белуга.

Пришла третья волна, выше всех. Подняла белугу, повернула, протаскивала боком по камням и хвостом вперёд в море вынесла.

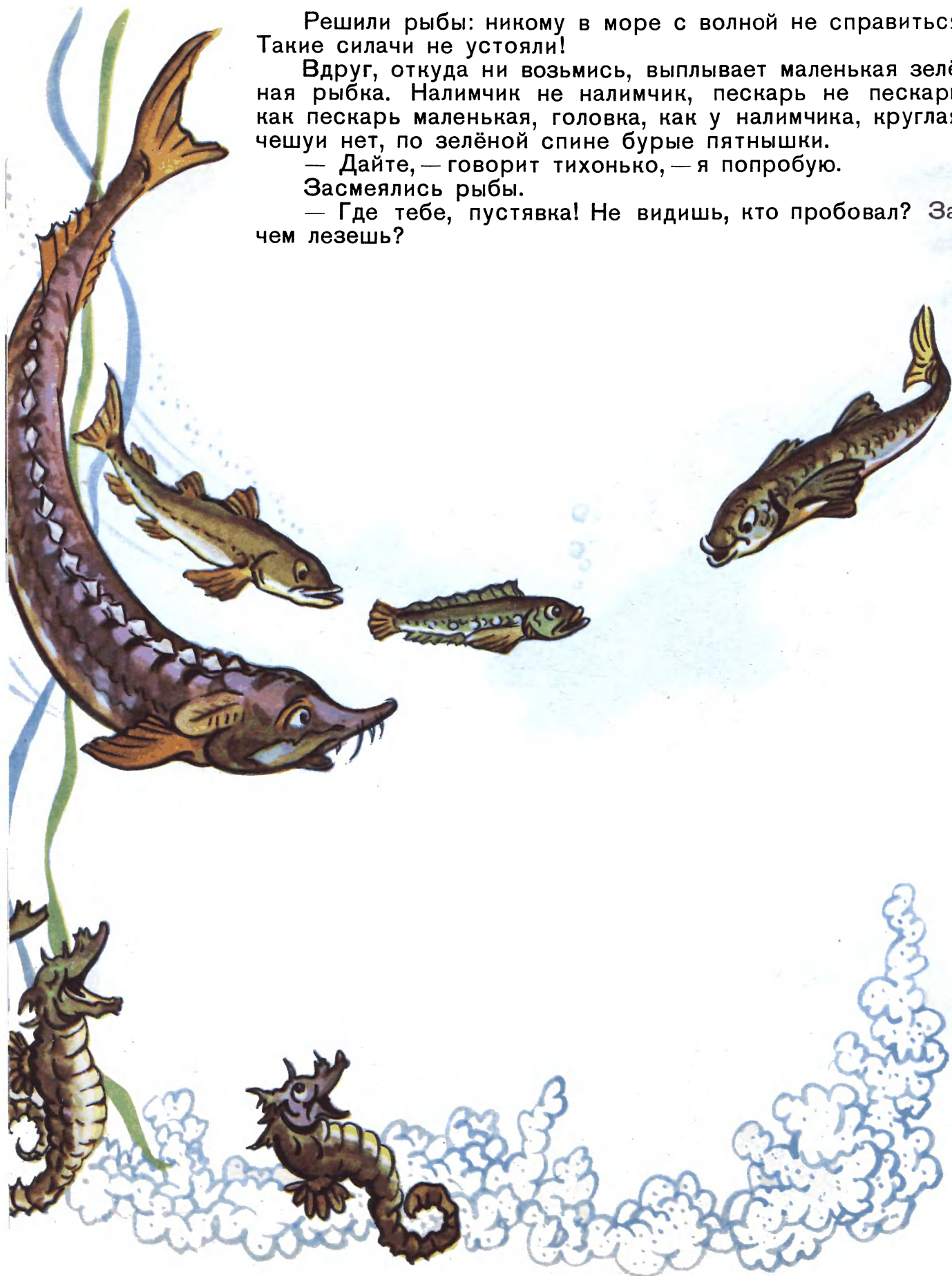
Решили рыбы: никому в море с волной не справиться. Такие силачи не устояли!

Вдруг, откуда ни возьмись, выплывает маленькая зелёная рыбка. Налимчик не налимчик, пескарь не пескарь: как пескарь маленькая, головка, как у налимчика, круглая, чешуи нет, по зелёной спине бурые пятнышки.

— Дайте, — говорит тихонько, — я попробую.

Засмеялись рыбы.

— Где тебе, пустявка! Не видишь, кто пробовал? Зачем лезешь?

Рыбка слова не молвила, хвостом вильнула, поплыла к камням. Плывёт вперёд, а вода встречная её назад тащит.

Два раза пыталась подплыть к камням рыбка, ничего не получилось.

Рыбы пуще прежнего над ней смеются. Морские коньки хвосты в колечко закручивают, от смеха в траве переворачиваются.

В третий раз поплыла рыбка. Улучила минутку между двух волн, подобралась-таки к камням. К большому камню подплыла и легла на него брюшком.

— А ведь хитра, доплыла до камня!

— Ничего, ничего, волна пройдёт, смое! На берег выкинет, — говорили между собой рыбы.

Вот и волна. Прошла зелёной горою над камнем, рухнула на берег. Рассыпалась пеной, закружилась, завертелась и ушла.

Смотрят все, а маленькая рыбка лежит себе на камне, как ни в чём не бывало.

Удержалась!

Пошли волны одна за другой, одна другой больше.

Замутилась вода, понесла поверх камней песок, мелкую гальку, пучки морской травы, — ничего не разберёшь.

Вот стихло, и стало видно: лежит зелёная рыбка на камне, как приклеенная.

Долго смотрели на неё рыбы, дивились. Потом стали друг у друга спрашивать — кто такая и откуда взялась?

Кривоногий краб на шум из-под камней вылез, поглядел выпученными глазами на рыбку и говорит:

— Нашли диковинку! Да ведь это наша, черноморская, — присоска! Она всегда так: присосётся и лежит. Поди её отдери!

Краб был старый-старый, он всё знал и никогда ничему не удивлялся.

Когда-то, в далёкие времена, была камбала рыба как рыба. Всё у неё было, как у других: глаза по бокам головы, рот прямой, и плавала она, как все рыбы, спиной вверх.

А что с ней случилось, про то слушайте.

Встретились однажды на дне морском у большого зелёного камня камбала и морской карась — ласкирь.

Стал ласкирь камбале на свои незадачи жаловаться.

Дельфин за султанкой охотился, ласкирь впереди него сунулся — попало ласкирю.

Рыбы на совет собрались. Пока ласкирь от дельфина бегал, опоздал — опять получил трёпку.

Пикши в траве дрались, ласкирь стороной проплывал. Не утерпел, впутался — и тут влетело!

Слушает его камбала, а про себя думает:

„Так тебе, вертлявому, и надо. Прост ты больно. Уж я-то в беду не попаду!“

Смотрят оба — червяк. Да какой длиннющий!
Вот так пожива!

Не успел ласкирь рта открыть, камбала говорит:

— Чур, не хватать! Я делю.

И начала рвать червя на куски.

Ласкирь за нею следит, губами шевелит.
Больно хорош червяк!

— Знаешь что, — хитрит камбала, — нам двоим такого червя много. Нужно с кем-нибудь поделиться. Поди позови ерша-скорпену!

Удивился ласкирь. С каких это пор камбала с другими делиться начала? Но спорить не стал: на троих, так на троих!

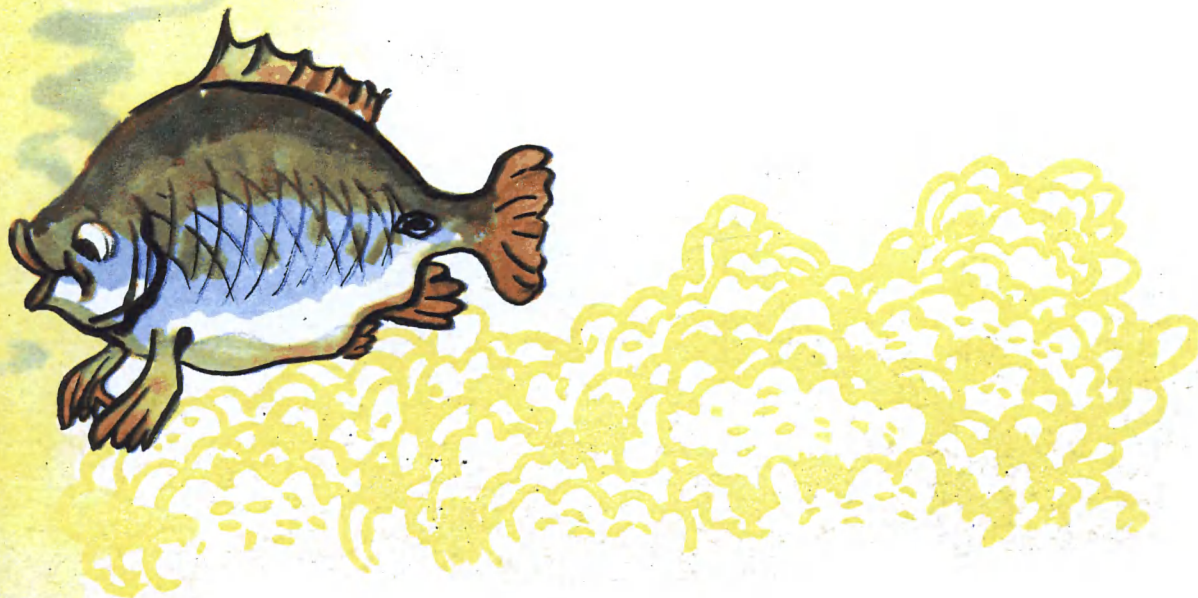
Помчался за скорпеной.

Осталась камбала у червя. Глотнула кусок, другой, видит — сразу не управиться.

„Спрячу-ка я про запас!“ — думает. И решила закопать червя под камень.

Начала песок рыть.

Носом роет, плавниками и хвостом помогает, песок выбрасывает.

Долго ли, коротко ли, вырыла камбала под камнем ход и затащила туда добычу.

Отплыла, посмотрела со стороны.

— Найдут! Нужно ещё дальше запрятать!

Слышит камбала шум: ласкирь с ершом к камню торопятся.

Испугалась, кинулась под камень. Давай ход ещё глубже рыть.

Ласкирь с ершом совсем близко.

Завертелась камбала под камнем. Пошатнулся он, наклонился, упал и камбалу придавил.

Примчались рыбы. Видят — камень на боку лежит. Из-под камня чей-то хвост торчит.

Тянули, тянули за хвост, вытащили. Смотрят и не узнают:

— Что за рыба?

Ни спины, ни брюха — одна левая сторона! Расплющило её камнем, перековеркало. Глаза и рот на левую сторону сбило, спину на левый бок свернуло.

Лежит камбала, кривой рот открывает, ничего сказать не может.

А червя-то нет!

Рассердился колючий ёрш на ласкиря: зачем в такую даль тащил? Бросился обманщика за перья ловить. Еле ласкирь хвост унёс.

Тем дело и кончилось. Камбала такой коверканной навсегда осталась. И дети её, камбалята, кто на левую, кто на правую сторону вывернуты.

Ну и рыба!

ПОЧЕМУ ЩУКА В МОРЕ НЕ ЖИВЁТ

Говорят, на то и щука в море, чтобы карась не дремал. Так-то оно так: если карась зазеваается, щуке в зубы обязательно попадёт. Да ведь ни щука, ни настоящий карась в море-то не живут! Карась — речная рыба, озёрная. Щука тоже.

А был случай...

Надоело щуке в реке. Забежала она в море.

Вот где жизни! В реке, в озере сидишь под корягой — темно, не пошевелиться... А тут свету сколько, простор! И в засаду прятаться не надо: кругом добыча, сама в рот лезет...

Вон на песке червячишка, — подплывай да бери.

Щука только подплыла, а песок как взметнётся! Из песка — чёрная рыбина. Пасть — как мешок. Глазищи — на самом темени. На голове вырост — приманка — шевелится. Точь-в-точь червячок. Кинешься за ним — и прямо рыбе в пасть. Поминай как звали!

— Экое чудище! Да будь ты неладно! — Вильнула щука хвостом — и в водоросли.

Глядит — опять добыча. Сама навстречу идёт. Маленькая рыбка. Только странная какая-то: плывёт стоймя, головка лошадиная, на спине лохмотья, на боках все рёбра видны. Глядит на щуку — глазами крутит: одним глазом в одну сторону, другим — в другую.

Плыла коричневыми водорослями, сама коричневая была. Приплыла в зелёные — зелёная стала.

— Что за рыба? Чего она глазами крутит? Уж не бешеная ли?

Щука в сторону.

— А ну её! В реках таких нет. В реках — караси-лежебоки пузатые... — Как вспомнила щуку про жирных карасей, так в животе и заныло.

Помчалась вперёд. Ан ещё пожива: между камней рыба прячется; не шибко большая, губатая, вся в пятнах.

По-щучьему так: раз от тебя кто прячется — хватай его.

Щука с разгону пятнистую рыбу — хват! И свету не взвидела...

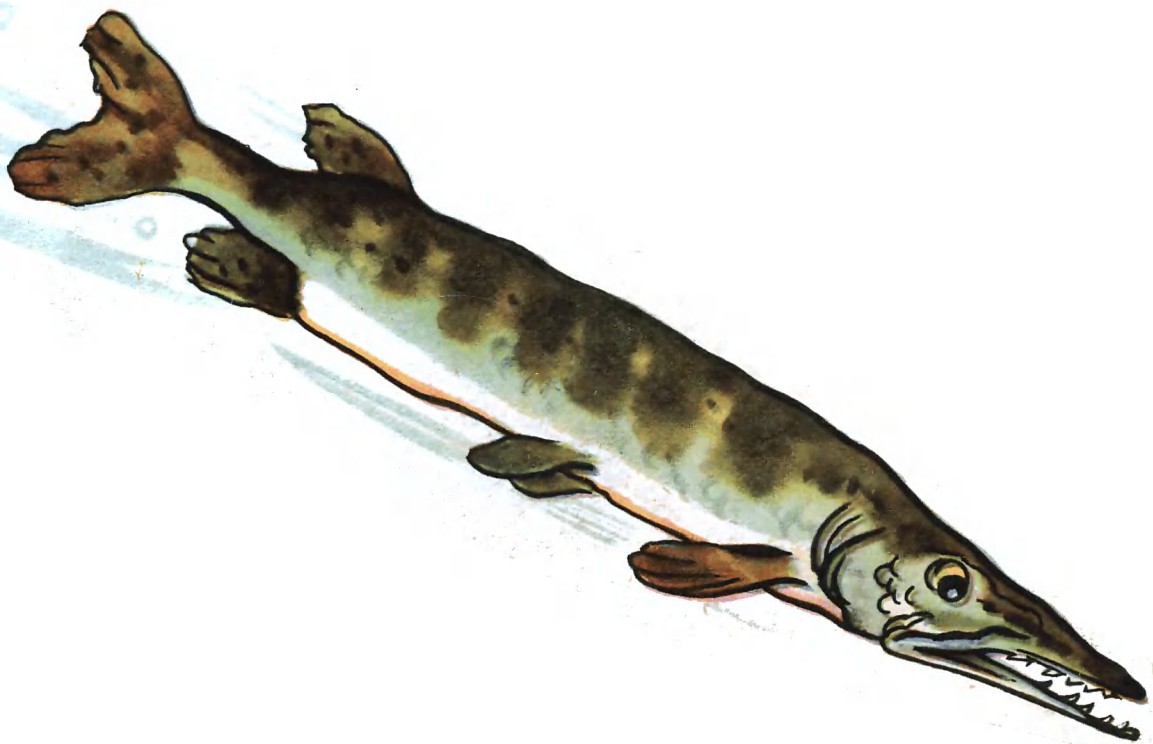
У пятнистой-то на спине шип! Как вонзился в небо — рта не раззявить. Ни сглотнуть, ни охнуть!

Насилу-насилу освободилась; развернулась — да назад, в реку.

Недолго в море погостила!

И всего-то видела она там: морского чёрта с приманкой — раз; конька — два; ерша-скорпену, ядовитую колючку, — три...

С тех пор щуку в море и карасём не заманишь.

КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ

Случилось это летом. На Севере.
Собрались на вершине большой скалы
молодые чайки-каюхи.

Сидят, ждут, что им расскажет старый
чистик. А тот стал столбиком, голову
кверху задрал, вспоминает. Думал, думал,
надумал.

— Сегодня я расскажу вам, какого
цвета море... — начал было старик.

— Вздор! — выкрикнул молодой каю-
ха. — Кто не знает, что море синее?

— Ну, хорошо, — задумчиво согласился
чистик. — Если так, я не буду это расска-
зывать... Я расскажу про Фомку-помор-
ника. Про то, каким злодейским способом
добывает он себе пищу...

А чайкам уже надоело сидеть спокойно.
Фр-р! Оп-оп! — разлетелись. С шумом, хо-
хотом...

Пришла зима.

Рыбы опустились на глубину. Охотиться за ними стало трудно.

Полетел как-то молодой каюха за добычей. Пять дней искал. Возвращается — нет на скале чаек.

— В чём дело?

Ждал, ждал. Только несколько чистиков крутятся возле скалы.

Подлетел к ним каюха. Видит — старик. Забыл он, как старика летом обидел.

— Скажи, — просит, — куда улетели чайки?

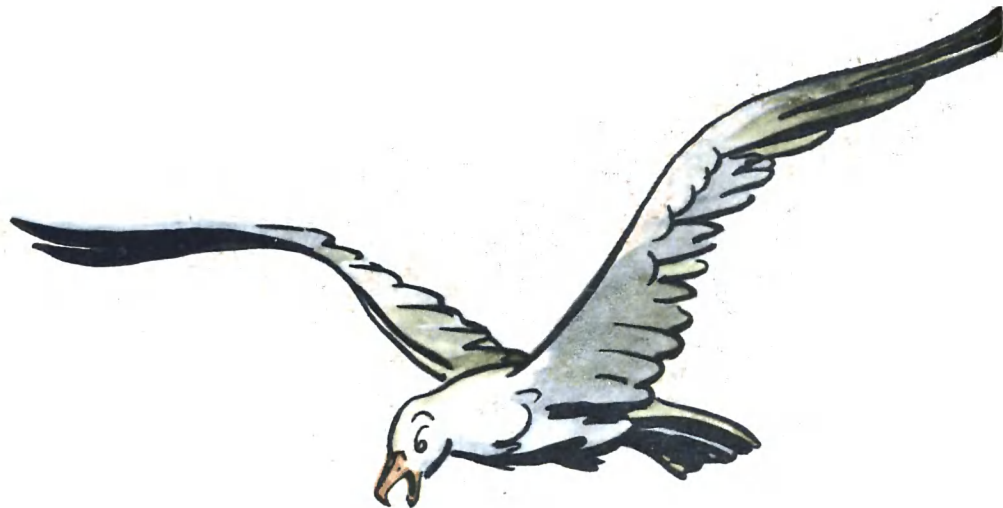
Чистик по привычке задумался.

— На юг, — подумав, сообщил он. — На юг улетела твоя стая.

— Как же мне теперь догнать её?

— Лети туда, где в полдень бывает солнце. Когда море трижды изменит свой цвет, ты и догонишь стаю.

Бросился каюха со скалы, только мелькнула внизу белая пена. Скорее на юг!

Прошёл день, второй. Летит каюха.
Море под ним то светлее, то темнее,
а всё — синее.

— Может быть, старик напутал?
Может быть, мне никогда не видать
стаи?

Но что это? Впереди мелькнула
жёлтая полоса. Она ближе, ближе — и
вот уже вся вода под ним жёлтая-
жёлтая. Большая река впадает здесь
в море и красит воду глиной и песком
своих берегов.

Первый раз море изменило свой
цвет!

Снова внизу синие волны. Высмотрел каюха косяк селёдки, метнулся к воде — есть добыча!

Вдруг над головой у него как засвистят чьи-то большущие крылья. Берегись Фомку-поморника!

Выронил каюха селёдку. Фомка на лету её хватить — и проглотил.

Увязался за каюхой. Хоть плачь. Только поймаёт каюха рыбёшку, Фомка тут как тут — налетит и вырвет изо рта.

Насилу удрал от него ночью.

Долетел до гор. Жарко. Внизу змеей вьётся залив. Вода в нём красная!

Приспустился каюха. В воде кишмя-кишат малюсенькие красные червячки. Второй раз изменило цвет море!

Нет уже сил лететь.

Впереди кудрявые зелёные острова. Над ними тучи птиц. Вот бы где остановиться!

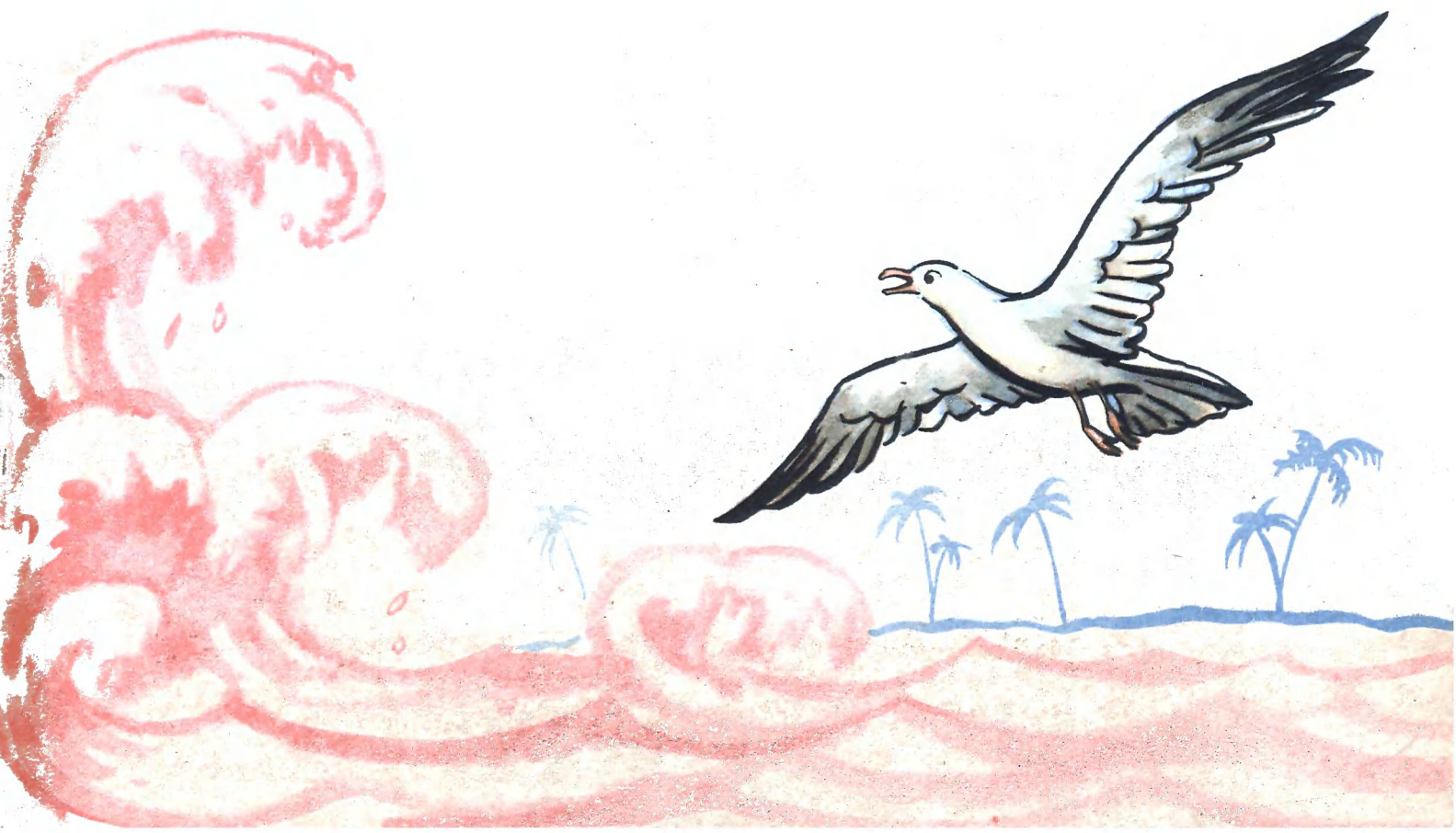
Всё ниже и ниже каюха.

Закрыв глаза, открывает, — вода у островов зелёная!

Густо, как рыбья икра, плавают в ней шарики — водоросли. Как весенняя тундра зеленеет море.

Вот он — третий раз!

А вон и стая: летят, торопятся со всех сторон к каюхе товарищи.

Прошло полгода.

Летом чайки вернулись на север. Снова стала белой от птиц большая скала.

Как-то опустился каюха в толпу молодых чаек. Отдыхали они после полётов, слушали рассказы бывалых птиц.

— Хотите, я расскажу вам, какого цвета море? — начал каюха, когда очередь дошла до него.

— Какие пустяки! — громко сказала самая молодая чайка. — Кто не знает, что море синее?..

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

САХАРНОВ СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ. „МОРСКИЕ СКАЗКИ“

Ответственный редактор Э. Г. Меркулова.

Художник-редактор Ю. Ч. Киселев.

Технический редактор З. П. Коренько. Корректоры К. Д. Немковская и Л. Н. Маляво.

Подписано к набору 11/1 1962 г. Подписано к печати 12/VI 1962 г. Формат 60х90/16.
Печ. л. 6. Усл. п. л. 6. Уч.-изд. л. 7,54. Тираж 150 000. ТП-1962 № 217. Ленинград-
ское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 547.
2-я ф-ка детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград,
2-я Советская, 7. Цена 53 коп.